

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Композитор Соловьев- Седой

Уже много лет радиостанция «Маяк» через каждые полчаса посылает в эфир позывные — музыкальную фразу из «Подмосковных вечеров». И в Ленинграде тоже каждый день радио и телевидение начинают свои передачи с мелодий, сочиненных Василием Соловьевым-Седым.

Если вам повезет в неповторимые июньские белые ночи бродить по Ленинграду, наверняка услышите, как кто-нибудь негромко напевает: «Слушай, Ленинград, я тебе спую задушевную песню свою...» Или повстречаете парней и девушек, которые не знали войны, ни разу в жизни не слышали, как воют над головой бомбы, но в случайный свой час проникновенно поют о том, что навечно осталось в памяти народа: «Весь израненный, в снежном инее, гордо высился печальный город мой».

Василию Павловичу Соловьеву-Седому, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии, написавшему эти и многие другие замечательные песни, завтра исполняется 70 лет. В его квартире на Фонтанке, у рояля, за которым композитор работает каждый день, наша беседа началась с песен о Ленинграде.

— Наверное, этих песен я просто не мог не написать. Город, в котором прошла вся моя жизнь, очень люблю. Это постоянно, навсегда. Куда бы ни уезжал, знаю, что вернусь именно сюда.

— И все-таки, Василий Павлович, хотя вы и горячий патриот своего города, вас не назовешь домоседом, вы принадлежите к людям, легким на подъем, немало исколесили дорог. И кажется, всем, кто постоянно в пути, посвящая свои произведения. Есть у вас песни и про шоферов — «Ты не верь, подруга моя, что шоферы ненадежные друзья» или «Быть может, до счастья осталось немного, быть может, один поворот». И про летчиков: «Потому, потому, что мы пилоты», и про моряков: «Простор голубой, земля за кормой», и про солдат: «В путь, в путь, в путь...»

— Не представляю себе жизни без поездок и дорог, встреч и впечатлений, новых друзей. В этом пульс и ритм нашей сегодняшней жизни. А бодрым музыкальным ритмам обязан я тем, что стал композитором. В далеком 1924 году мне предложили вести музыкальное сопровождение к утренней гимнастике, тогда ее впервые начали передавать по радио. Я поднимался часа в четыре ночи, шел пешком, потому что грамвая в эту раннюю пору еще не было, усаживался в студии за рояль и после слов диктора «начинаем утреннюю гимнастику» играл бодрый марш. Довольно скоро мне надоело исполнять одно и то же. Я, конечно, и не помышлял о том, что уже сочиняю собственную музыку, просто распеивал знакомые мелодии. Но именно тогда и начал впервые придумывать что-то свое.

— Всенародное признание пришло к вам в годы войны. А что было раньше?

— Как и у многих, долгий путь поисков своего пути в искусстве. Признаюсь, не избежал и формалистических попыток. Как-то прослушивали сочиненную мной «Песню о станке». Провал был настолько очевиден, что я бежал из зала и в слезах переживал неудачу, устроившись на ступеньках. Кто-то положил руку мне на плечо: «Ну, с кем не бывает». Передо мной стоял Дмитрий Шостакович... До войны было написано немало: музыка к нескольким кинофильмам, первая редакция балета «Тарас Бульба», поставленная одновременно в Москве и Ленинграде, ряд песен. Их исполняли такие известные артисты, как Л. Утесов, И. Яунзем, Э. Буш.

— И все-таки главные поиски и находки были еще впереди.

— В 1941-м, в августе, родилась песня, которой суждено было стать поворотным пунктом в моей творческой биографии. Теплым осенним вечером вместе с друзьями, композиторами и литераторами, я работал на субботнике в Ленинградском порту. Невдалеке на рейде стоял корабль, с него доносились звуки баяна и тихая песня. Я слушал и думал: хорошо бы написать об этом тихом вечере, неожиданно выпавшем на долю людей, которым завт-

ра, может быть, предстояло уйти в опасный поход. Своими мыслями я поделился с поэтом Александром Чуркиным. Он написал слова, и песня скоро была готова — «Вечер на рейде».

В 1942 году, находясь в составе фронтовой концертной бригады недалеко от Ржева, я однажды вынужден был петь сам, так как наш солист заболел. И вот в низкой, гускло освещенной землянке решился исполнить новую песню. Со второго куплета мне стали подпевать — сначала тихо, а потом все громче и громче, и я с радостью понял, что песня дошла до солдатского сердца.

Борьба с захватчиками, разлука с любимыми — все это с первых дней войны затронуло большие человеческие чувства. Нужны были очень разные песни. В этом все дело. Мне ближе была интонация, о которой очень точно сказал поэт Алексей Сурков: «Не надо пытаться перебить войну».

— Какие песни вы цените больше всего?

— Те, которые — не сочтите за высокопарность — поет народ. Я твердо верю, что разобьются все пластинки, вышедшие самыми большими тиражами, сотрутся магнитофонные ленты, но настоящая песня очень надолго останется в памяти народной. И когда я слышу как кто-нибудь напевает мою песню, не с эстрады, не «исполняя», а для себя, — я чувствую высшее удовлетворение и как профессионал, и как гражданин.

— И все же сегодня значительно изменился наш быт, почти в каждой квартире приемник, телевизор, магнитофон. И люди больше слушают исполнение песен, чем поют их сами. Какие, на ваш взгляд, возникают проблемы перед исполнителями?

— Проблем таких немало. Скажем, как петь сегодня песни, написанные 30—40 лет назад? Действительно, ведь сама жизнь, ее ритм и темп сильно переменялись. Думаю, что неправы те, кто требует буквально канонизировать известные образцы исполнения песен прежних лет. Сегодняшний слушатель, наверное, лучше воспримет песню, если она будет оформлена в соответствии с теперешними представлениями. Важно только, чтобы это было сделано талантливо, с хорошим вкусом и не искажало основной гармонии и идейного замысла песни.

— Ну, а как, на ваш взгляд, обстоит дело с лирической песней, которая особенно близка вам?

— Прежде всего, очень хорошо, что в наши дни уже нет таких тем, на которые бы не писали лирических песен. В свое время лирику порой считали темой чуть ли не второстепенной — это только мешало развитию советской песни. Я испытал это и на себе. Например, вскоре после войны, когда мы еще не отошли от солдатских мотивов, Михаил Исаковский прислал мне стихи «Я на свадьбу тебя приглашу, а на большее ты не рассчитывай». Я просто не обратил внимания на эти стихи. Хотя в то время уже получил немало писем: у вас, дескать, лирическое дарование, не можете ли написать что-нибудь просто о любви, без окопов и винтовок? И только письмо одного слушателя, которому не откажешь в остроумии, задело меня. Он писал примерно так: «Почему бы вам не написать песню о любви? Или вы уж настолько седой, что этот вопрос вас не интересует?» Вот тогда я и написал песню «Не тревожь, ты себя не тревожь».

Песня о настоящем чувстве всегда нужна людям. Какими же должны быть сегодня лирические песни? Признаюсь, меня корбит, когда интимные чувства получают слишком уж «агрессивную» окраску (как это приходится наблюдать иногда). Возникает своего рода девальвация чувств. Лирические песни должны быть рассчитаны на более сдержанное, камерное исполнение.

...На рабочем столе композитора сегодня детская опера по сказке С. Маршака «Терем-теремок» и, конечно, новые песни. Мы всегда ждем их, как сказала Александра Пахмутова, «ждем от него все новых и новых мелодий — таких же русских, таких же чистых и глубоких, как душа народа».

А. ГЕРВАШ.